

После переезда они неизменно делили одну огромную кровать. Каждый раз засыпали по краям, но, проснувшись, обнаруживали, что каким-то образом скатились в центр, и Ли Синь сладко спал, уютно устроившись в объятиях А-Му. Однако сегодня ночью всё было иначе: они лежали спина к спине, и между ними словно пролегла непреодолимая граница.

Ли Синь всё ещё чувствовал себя неважно, а лекарств в этом месте не было. Интересно, поправится ли он вообще? Пока он предавался унынию, система внезапно подала сигнал: [Системный магазин открыт. Можно обменивать цветы на предметы. Ассортимент обновляется в зависимости от уровня Хозяина и количества имеющихся цветов].

Хотя система и любила подставлять своего Хозяина, в целом она всё же заботилась о нём — так было и в прошлый раз, когда активировался режим самосохранения. Ли Синь поспешно открыл магазин и, прослезившись, увидел на полке три товара: таблетки для улучшения пищеварения, мазь от отеков и боли (не влияющую на репродуктивную функцию) и Руководство по использованию ментальной силы (начальный уровень).

Ли Синь был вне себя от радости. Пусть приписка в скобках по-прежнему раздражала, но система оказалась заботливым помощником — давала именно то, что нужно. Таблетки для пищеварения были лишними, а вот мазь за десять тысяч цветов... это совсем не дёшево! Да кто вообще продает мазь за сто тысяч?!

Но выбора не было: лекарства системы наверняка подходили его организму. Если купить что-то в уличном торговом автомате, неизвестно, чем это обернется. Кстати, удивительно, как прежний владелец тела вообще дожил до шестнадцати лет. В мире, где обычное объятие могло закончиться множественными переломами...

Ли Синь, наносивший мазь, внезапно замер.

Действительно, почему такой хрупкий человек, которого могла обидеть даже крыса, до сих пор оставался невредимым? В воспоминаниях прежнего хозяина не было и следа осознания собственной хрупкости. Он жил дома обычной жизнью, робот-нянька отлично заботился о нём, ежедневно подавая легкоусвояемую пищу, почти не используя питательные смеси. Раз в два-три месяца он обедал с родителями за огромным столом, где невозможно было случайно задеть другого человека. Раз в год он видел деда, генерала-полковника Ли Яня. Хотя тому было уже за девяносто, выглядел он очень молодо и был так похож на отца, Ли Чэна, что они казались не отцом и сыном, а братьями. В памяти не осталось ни одного объятия от отца, мачехи или деда. А в школу он ходил виртуальную, так как быть внуком генерала означало редко покидать дом.

Он с самого начала жил под защитой, в полной безопасности, без малейшей угрозы для жизни. Шестнадцать лет Ли Синь даже не догадывался, насколько его тело слабее других, потому что никто и никогда не имел возможности коснуться его. В памяти всплыл лишь один случай: десятилетним ребенком он был на банкете, устроенном королем, где присутствовали дети офицеров. Ли Синь был счастлив увидеть ровесников, нарядился и пришел в предвкушении праздника. Но секретарь деда, Галанда, неотступно следовал за ним, и когда кто-то из детей пытался пожать ему руку, Галанда грубо отстранял их.

А в шестнадцать лет, когда выявили его углеродную форму жизни, дед вызвал его в кабинет. Он не стал утешать убитого горем Ли Синя, а лишь долго и внимательно разглядывал его, после чего приказал Галанде увести парня. В тот же вечер Ли Синь после ужина почувствовал странную сонливость, уснул мертвецким сном, а проснувшись, уже оказался на планете Эмир.

Развитые сети будущего мира не позволили Ли Синю остаться в невежестве: в теории он был силен, но практики не хватало. Виртуальные сражения были лишь симуляцией данных, и он понятия не имел о реальной прочности своего тела и пределе своих сил. Лишь будучи брошенным на планете Эмир, Ли Синь осознал свою хрупкость.

Ли Синь, никогда не склонный к глубокому анализу, прежде не задумывался об этом, да и воспоминания прежнего владельца старался не тревожить. Но сейчас, вспоминая детали, он находил их пугающе странными.

Это был ребенок, выросший в условиях строжайшей защиты (или слежки). С самого начала кто-то знал, что он особенный, и только в шестнадцать лет, при проверке уровня генов, выяснилось, что причина — углеродная природа. Но если его оберегали столько лет, значит, к его «деформации» были готовы. Почему же, узнав правду, от него так просто избавились?

Генерал-дед, ограниченное детство... Ли Синя посетила пугающая мысль, но он поспешил отбросить её.

Было ли это правдой или нет, но раз его бросили на планете Эмир, значит, от него отказались. Персональный терминал был отключен, и теперь не имело значения, кем он был раньше.

Тихонько, чтобы не разбудить А-Му, он закончил наносить мазь. Лекарство системы работало превосходно: отек спал почти мгновенно. Если завтра утром всё будет в порядке, значит, проблема решена.

Ли Синь с облегчением выдохнул и попытался убрать тюбик в пространственный ящик — получилось. Похоже, кроме пипы, туда можно было спрятать всё что угодно. Раз уж появилось свободное время, стоило изучить ассортимент магазина. Взгляд упал на Руководство по использованию ментальной силы (начальный уровень). Глаза Ли Синя загорелись — это же начало пути к развитию! Но увидев цену, он был готов проклясть систему.

Один миллион цветов, что равнялось десяти миллионам звездных кредитов! Система, ты что, грабишь? И ещё смеешь говорить про обновление ассортимента в зависимости от количества цветов — где мне взять миллион?!

Помысленно презирая систему, он закрыл магазин. Злиться на эту вечно пытающуюся надуть его программу было бесполезно — нужно было зарабатывать деньги. Книга была необходима, ведь Ли Синь уже чувствовал зачатки ментальной силы.

Поскольку тело не выдерживало нагрузок, система переключила его развитие на ментальную

сферу. Он действительно чувствовал, что мозг стал работать яснее, а недавно обнаружил, что его поле зрения расширилось. Он не просто видел дальше глазами — он начал «видеть» то, что находилось вне пределов прямой видимости. Это было не ощущение, а четкая картинка в голове, не проецируемая на сетчатку. Он «смотрел» иначе.

Пока радиус был невелик — примерно 30 градусов за спиной. В обычном состоянии человек не видит того, что происходит сзади, не поворачивая головы, но Ли Синь теперь мог «видеть» пространство за плечами, даже глядя прямо перед собой.

Ли Синь верил, что его способности постепенно раскрываются. Он точно не слабак и в будущем сможет жить как обычный человек, больше не будучи таким хрупким. Когда он поднимется на следующий уровень, то, вероятно, сможет по-настоящему быть с А-Му?

С этой мыслью Ли Синь подошел к А-Му, который всё ещё лежал спиной к нему, прижался к нему и, положив руку на его пояс, удовлетворенно уснул.

Когда Ли Синь погрузился в сон, А-Му открыл глаза, медленно повернулся и осторожно обнял его.

Барный певец (часть 7)

Ли Синю отчаянно требовался миллион цветов. Утром, убедившись, что его «солдат» в полном порядке, он принялся изучать способы получения цветов.

Всё сводилось к одному слову: деньги. Но не любые деньги считались цветами. Например, дом: они жили там вдвоём, но по настоянию Ли Синя владельцем был записан А-Му, поэтому дом цветами не считался. А вот тот флайер, что был уничтожен, с момента, как А-Му подарил его, числился цветами на счету Ли Синя, и даже после разрушения флайера цветы не списались. То же самое было с питательными смесями: после их употребления количество цветов не уменьшилось.

Иными словами, вещи, подаренные фанатами, эквивалентны звездным кредитам, и их потребление не уменьшает счет. Однако флайер и смеси были расходниками. Что насчет дома — Ли Синь не был уверен; система всегда вела себя капризно.

Звездные кредиты тоже были цветами. Если тратить их в магазине, цветы не списывались, но стоило ему потратить кредиты на что-то другое — количество цветов уменьшалось. Стоп, система приводила в пример компенсацию телохранителю: раз деньги ушли другому, они перестали принадлежать Ли Синю, поэтому цветы списались. А если он покупает что-то для себя?

После тренировки с пипой Ли Синь попросил А-Му отвезти его к торговому автомату, где они купили несколько питательных смесей. Ли Синь проверил счет — цветы не уменьшились. Он немного подумал и протянул одну смесь А-Му — цветы списались.

Ли Синь: «...»

Система явно хотела сделать из него скрягу! Пока деньги тратились на него самого — неважно, фанатские это кредиты или его собственные — цветы оставались на месте. Если фанаты дарили подарки, счет рос. Но стоило отдать деньги другому — в качестве зарплаты, компенсации или подарка — как цветы таяли. Ли Синь решительно не понимал логики системы.

Разобравшись с правилами, Ли Синь решил стать тихим скрягой. Хотя предпринимательской жилки у него не было, зарабатывать цветы, похоже, придется с помощью ящика А-Му. Если следовать стандарту Фила — две тысячи с человека, — то пяти тысяч фанатов хватило бы на книгу. Но в баре нельзя было открыто просить деньги, а метод А-Му лишь привлекал хейтеров. Если он заработает достаточно цветов, но число фанатов упадет ниже минус тысячи, это будет провал.

Эх... раз уж он теперь выступает в роли «девушки на продажу», нужно действовать решительно. Решено: пусть А-Му изменит надпись на ящике на более вежливую: Если вам понравилось, пожалуйста, оставьте на память.

Да, так будет лучше.

Вечером, после репетиции, Ли Синь объяснил свою идею А-Му. Тот кивнул, показывая, что понял. Ли Синь лично проследил, чтобы надпись на ящике была заменена, и только потом, успокоившись, заснул в объятиях А-Му.

После той неудачной попытки заняться любовью в машине А-Му стал подавленным, музыку Ли Синя слушал без энтузиазма и часто исчезал. Когда Ли Синь находил его, тот серьезно тренировался в гравитационном зале. Входить туда Ли Синь не мог — стократная гравитация убьет его на месте!

Кстати, в Империи для Ли Синя подходили только Эмир и Сайтер — их гравитация была близка к земной, что позволяло выжить хрупкой углеродной форме жизни. На других планетах ссыльных гравитация была в десять раз выше, и Ли Синь не смог бы даже поднять ногу, а через некоторое время отказали бы внутренние органы.

Говорили, что Эмир — самая пригодная для жизни планета ссыльных: умеренная гравитация, богатые месторождения, порядок. Другие планеты были безумным адом, где царило право сильного. Даже корабли снабжения Империи не рисковали садиться там, сбрасывая грузы в контейнерах с орбиты. Там не было торговых автоматов, и каждый прилет груза оборачивался кровавой бойней.

Была ли ссылка на Эмир удачей или чьим-то расчетом? При этой мысли Ли Синь побоялся восстанавливать персональный терминал. Возможно, лучше, чтобы все считали его погибшим на Эмире.

Через неделю Ли Синь снова вышел на сцену. В этот раз они пришли поздно, и в баре уже гремела оглушительная тяжелая музыка. Людей было много: помимо тех ста трех фанатов, что не отвернулись даже после того, как А-Му побил их, здесь были сотни других, безумно танцующих. В шуме многие не заметили их прихода.

Мужчина с выбритой наполовину головой, проколотыми ушами, носом и губами, с татуировкой гремучей змеи на шее, увидев Ли Синя, присвистнул. Он подошел к нему, виляя бедрами, и кокетливо коснулся его лица:

— Малыш, ты такой молодой и красивый. Иди-ка с братиком, сегодня ночь безумия, я покажу тебе, как надо веселиться, а заодно помогу избавиться от девственности.

Он потянулся поцеловать его, но Ли Синь даже глазом не моргнул. В следующую 0,001 секунды мужчина был отброшен ударом ноги и с точностью, достойной Тома, врезался в световой компьютер, транслирующий музыку. В баре воцарилась тишина. Все присутствующие замерли, уставившись на Ли Синя с подозрением.

От этих взглядов Ли Синь занервничал: если все они станут хейтерами, до понижения уровня недалеко. К счастью, система сообщила лишь об одном новом хейтере — вероятно, том самом парне.

Взгляды остальных были недружелюбными, но А-Му было плевать на их злобу. Для такого монстра, как он, сотни людей были ничем.

— Боже! Ли Синь!!! Это Ли Синь!!!! — раздался грубый женский голос. Ли Синь был невысоким и, даже встав на цыпочки, не мог разглядеть, кто кричит.

Вскоре он узнал обладательницу голоса. Цзялиэр была одета в откровенный наряд, её рыжие волосы, уложенные в крупные локоны, рассыпались по пышной груди. Она несла сверхъядерную ионную пушку весом в полтонны, используя её то как тяжелое оружие, то как дубину. Цзялиэр без церемоний растолкала толпу пушкой и прорвалась к Ли Синю.

Она попыталась взять его за руку, но А-Му, как обычно, преградил путь. Цзялиэр не обиделась, а улыбнулась, выпятив грудь:

— Сегодня день возрождения. Все бары и казино Fire закрыты для посторонних — это праздник для своих, пятидесятилетие нашей организации. Здесь немного шумно, но ты обязан остаться на час, иначе я тебя не отпущу.

Ли Синь, чьи мысли были заняты деньгами, кивнул:

— Хорошо, я буду работать добросовестно. Но раз это ночь безумия, не слишком ли моя музыка... не подходит к стилю?

— Как может не подходить! — Цзялиэр взмахнула пушкой. — Ты не представляешь, как мне надоела эта музыка из компьютера. Честно говоря, если бы А-Му не разбил его, я бы сама сделала это через пару минут. Раньше твой телохранитель меня раздражал, но сейчас он мне даже нравится.

Почувствовав очарование классической музыки и эмоции, вложенные в неё, Цзялиэр теперь мучилась, работая в баре под звуки компьютера.

— Кстати, нельзя ли записать твою музыку? — спросила она. — Я спрашивала босса, он сказал, что в контракте этого нет, нужно твое согласие.

Глаза Ли Синя превратились в знаки «□□□□». Игнорируя протесты А-Му, он схватил Цзялиэр за запястье:

— Записать можно, но платно. Во-первых, оплата за запись, по количеству произведений. Во-вторых, за копии — по количеству использований. И наконец, если крутить в баре — плата за прокат. Иначе я заставлю А-Му каждый день крушить здесь всё подряд.

Там, где закон не действовал, защищать свои права приходилось силой, подумал Ли Синь.

— Я не решаю такие вопросы, но думаю, босс не откажет, — Цзялиэр взглянула на А-Му и хитро улыбнулась.

Видя, что эта дерзкая, но сильная женщина в хороших отношениях с Ли Синем, остальные перестали проявлять враждебность.

Цзялиэр была сильна, и её оружие было тому подтверждением. На первый взгляд — официантка и бармен, на деле — лидер этой группировки, с уровнем генов А-, что даже в Империи считалось выдающимся результатом.

Раз она заговорила, никто не смел возразить. Кроме одного.

— Прежде чем бить собаку, посмотри на хозяина, — мужчина в ботинках на высокой подошве раздавил ногой стул. — Цзялиэр, где ты нашла это недоразумение? Оно посмело устроить дебош в ночь праздника и ранить моих людей. Компьютер сломан, как нам веселиться? Это же твоя территория!

Мужчина поднял окровавленного Ричарда и двинулся к Цзялиэр. Он был опасен — уровень генов А+, выше, чем у самого Фила. По его движениям было ясно, что он прошел через сотни

битв. Цзялиэр была не ровня ему.

Но Ли Синь и его спутники не боялись. С А-Му за спиной им было море по колено! SS-уровень — вот что значит настоящая дерзость!

Цзялиэр, считавшая Ли Синя своим, бесстрашно приподняла бровь:

— Как веселиться? Оолос, я говорила, у тебя ужасный вкус. Ты и твои псы, как бы сильны вы ни были, лишь бродячие собаки, грызущиеся за объедки на помойке. Твоя музыка для меня — как вой ефских собак, отвратительно.

Ефские собаки напоминали земных гиен, и их вой был неприятен всем. В юности Оолоса часто называли «бездомным псом», и его лицо мгновенно изменилось.

Воздух в комнате наэлектризовался. Несколько сотен подчиненных Оолоса против сотни людей Цзялиэр — силы были явно неравны.

Ли Синь увидел уведомление системы: [Получено 347 хейтеров, текущее число чистых фанатов — 1246, высокий уровень опасности. Получен один преданный фанат, один такой стоит десяти хейтеров, пожалуйста, контролируйте эмоции фанатов].

Ли Синь: «...»

Неужели все его фанаты такие?!

— Кхм, — Ли Синь похлопал Цзялиэр по плечу. — Мы все коллеги, зачем ссориться? Господин Оолос, верно? Мне очень жаль, что мы с моим спутником сломали компьютер и ранили вашего человека... хотя мне очень жаль, но оплачивать медицинские расходы я не буду.

Оолос: «...»

Он уже сжал кулаки, готовясь к бою!

— Но музыку я могу компенсировать. Я нанят Филом как певец, работаю один час в неделю. Прошло уже десять минут, нельзя терять время. Давайте так: я спою, а потом вы будете драться, договорились?

Не дожидаясь ответа, под прикрытием А-Му он поднялся на сцену.

Барный певец (часть 8)

Под защитой А-Му попытки помешать Ли Синю были бесполезны. Он уверенно поднялся на сцену, взял пипу. В этот раз он не стал использовать режим наставничества мастер-класса. Даже если это будет звучать ужасно, даже если люди разочаруются и решат, что он самозванец — он хотел заставить их полюбить свою музыку, используя только собственные силы.

<http://bllate.org/book/21290/2158748>